

А. П. Дмитриев

ФИЛАРЕТОВСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1867 г.
И КОНЧИНА СВЯТИТЕЛЯ
В ОЦЕНКАХ «ТРИУМВИРАТА»
МОСКОВСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ

(И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, М. Н. Катков)

Известно, что при жизни святителя Филарета по его настоянию действовал полугласный запрет не только на его публичное восхваление, но и вообще на какие-либо оценочные характеристики его личности в печати. Поэтому формирование и становление своеобразного *литературного* образа владыки, которого еще при жизни нередко именовали «Патриархом Всероссийским» (известное свидетельство Н. В. Сушкова)¹ и по праву считали авторитетнейшим православным иерархом-богословом XIX в., поначалу происходили в устной культуре.

Диапазон этих оценок Филарета широк — именно в связи с многосторонностью его личности и ее значимостью для общественно-религиозной жизни XIX в. При этом в «образованных» кругах преобладало негативное отношение к владыке как к некоему столпу несправедливой власти. И тут в одном ряду с ядовитым герценовским афоризмом: «...он восхотел суетно совместить белый клубок с жандармским аксельбантом...»² — стоят отзывы даже, казалось бы, людей диаметрально противоположных взглядов. Так, Вера Аксакова 24 февраля 1855 г. записывала в своем дневнике, отражая, безусловно, мнение всего семейства, что Филаретом «всякое живое слово, всякая мысль, сколько-нибудь носящая личный взгляд человека, уже подвергается осуждению и т. д. Филарет — совершенный государь Николай Павлович, та же система, и то же убеждение, и та же сила воли. Человек гениальный, но

¹ Сушков Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 138.

² Герцен А. И. <Предисловие к «Историческому сборнику Вольной русской типографии в Лондоне». Книжка первая. London, 1859> // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1958. Т. XIV. С. 82.

в каких тесных рамках! Что мог бы он сделать, если б не следовал этой системе!»³

И другая крайность — экзальтированное обожание владыки. В. Ф. Одоевский, не скрывая иронии, отметил в дневниковой записи от 20 сентября 1864 г.: «В Москве существуют дамы, сами себя называющие *филареточки* и *леонидочки*. Одна из них через два месяца после причастия, данного ей Филаретом, еще чувствует его на языке»⁴. Либо — в этом же ряду — любование его резкими и остроумными реакциями, когда случалось вторжение в подведомственную ему область духовного управления со стороны светских властей. Так, профессор Московской духовной академии П. С. Казанский 6 февраля 1867 г. сообщал в Кострому своему брату епископу Платону (Фивейскому), что «митрополит вздумал выехать в Успенский собор, в Чудов, к Иверской и что этим случаем воспользовался, чтобы дать выговор обер-полицеймейстеру Арапову, который стал предъявлять требование, чтобы певчие митр[ополита] не пели в приходских церквах, не имея свидетельства от капеллы. Митрополит потребовал его к себе, спросил, что за требование, и когда тот изложил, митрополит сказал: “Это не ваше дело, а вот ваше дело смотреть за дорогою в Москве, я едва шею себе не сломал, — своим-то делом вы и не занимаетесь, — ступайте!”»⁵. (Несомненно, именно этот нагоняй незадачливому обер-полицеймейстеру, обросший дополнительными слухами и подробностями, впоследствии послужил Н. С. Лескову материалом для одной из наиболее ярких глав (XIII) «Мелочей архиерейской жизни»⁶.)

Плотина была прорвана за три с половиной месяца до кончины святителя, когда в России всецерковно, и даже — можно

³ Аксакова В. С. Дневник 1854–1855 гг. М., 2004. С. 89.

⁴ Текущая хроника и особые происшествия: Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 185. *Леонидочки* — почитательницы викария святителя Филарета — преосвященного Леонида (Краснопевкова), епископа Дмитровского в 1859–1876 гг.

⁵ *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном: В 2 вып. Сергиев Посад, 1911. Вып. II. С. 126.

⁶ Впервые увидела свет как отдельный очерк под названием «Случай с генералом у митрополита Филарета»: Исторический вестник. 1880. Июнь. Т. II. С. 255–267.

сказать без преувеличения — всенародно, праздновалось пятидесятилетие его служения в архиерейском сане. Наконец русская печать могла отдать должное святителю и высказаться о его роли в национальной культуре. Обратимся к этим отзывам, оставив, впрочем, в стороне многочисленные отклики на юбилей и последовавшую вскоре кончину Московского архипастыря, увидевшие свет в духовной периодике, поскольку они, особенно первое время, не выходили за границы эпидейктического, хвалебного жанра и были не лишены известной этикетности, да в них, впрочем, и не ставилась задача глубоко постичь личность Филарета, дать ей объективно-взвешенную оценку⁷.

Оказывается, однако, что в большинстве столичных газет юбилейные торжества, проходившие 5 августа 1867 г., были либо вовсе обойдены молчанием, либо удостоены нескольких сухих строк информационного характера, что, несомненно, объясняется идейным ожесточением 1860-х гг., когда любые упоминания о религиозных реалиях решительно изгонялись со страниц «либерально-прогрессивной» печати. И только три московские газеты откликнулись на это событие по-настоящему.

В «Русских ведомостях», издававшихся Н. С. Скворцовым, хотя и не было помещено оригинальной передовицы, но ее заменила публикация документа, в котором выражалось признание общества за заслуги святителя перед ним, — «Поздравительное письмо Московской Думы»⁸.

М. Н. Катков в своих «Московских ведомостях» поместил сразу две передовые статьи — предупредительную, опубликованную за неделю до торжеств, и в день юбилея. В первой из них отмечен факт уникальности празднуемого события как необычайно долголетнего: «Со времен первого митрополита на Руси, Св. Михаила, прибывшего в Киев при Владимире Равноапостольном, еще ни один из русских архипастырей не правил Церковию в продолжение столь долгого периода. Не знаем, были ли примеры столь

⁷ Одно из немногих исключений — очерк А. М. Бухарева (бывшего архим. Феодора) «О Филарете, митрополите Московском, как плодотворном двигателе развития православно-русской мысли» (1868), опубликованный, правда, позднее: Православное обозрение. 1884. Т. I, апр. С. 717–749.

⁸ <Скворцов Н. С.> Москва, 5 августа // Русские ведомости. 1867. 5 авг. № 90. С. 1.

долговременного архиерейства в Православной Церкви вне пределов нашего отечества, но если и были, то, конечно, немногочисленные»⁹. Говоря об учено-литературных трудах святителя, Катков подчеркивает их насущную востребованность как для *всего* русского общества («По его “Православному катихизису” не одно поколение русских людей изучало веру отцов своих»¹⁰), так и для христианского, — а не только православного — мира в целом («Живой памятник нашего языка и краса нашей литературы, его речи и слова известны во всем христианском мире, вместе с знаменитым именем своего автора. Его “Библейская история” — труд высокой цены, уважаемый не только нашими, но и инославными богословами»¹¹). Да и все празднество, по убеждению Каткова, должно выйти за национальные границы («Нет сомнения, что это торжество Русской Церкви отзовется и в других православных церквях, где имя нашего маститого архипастыря пользуется столь заслуженною славой»¹²).

Вторая статья, отличающаяся не меньшим эмоциональным накалом, содержит вместе с тем и продуманную концепцию автора-государственника. Начинает ее Катков двумя интереснейшими наблюдениями. Во-первых, в самом юбилейном событии, созвавшим в Москву чуть ли не весь русский епископат, он усмотрел «предвестие обновления нашей церковной жизни» — неожиданно намекая на предпочтительность соборного управления перед синодальным: «Особенно важным, быть может знаменательным, событием этого торжественного дня, — пишет Катков, — был съезд епископов из разных епархий Российской империи, хотя не для совещаний, однако по церковному делу. Явление давно у нас небывалое. Да будет же оно хотя бы отдаленным предвестием обновления нашей церковной жизни, в котором она так глубоко нуждается!»¹³ Во-вторых же, Катков подчеркивает, что главное отличие

⁹ <Катков М. Н.>. Москва, 29-го июля // Московские ведомости. 1867. 30 июля. № 166. С. 2; перепеч. под назв. «К 50-тилетнему юбилею митрополита Филарета»: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1867 год. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 166. С. 411–412.

¹⁰ Там же. С. 411.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 412.

¹³ <Катков М. Н.>. Москва, 5-го августа // Московские ведомости. 1867. 6 авг. № 172. С. 1; перепеч. под назв. «Государственное значение митрополи-

святителя Филарета перед обществом и Церковью — сама его личность и прожитая им жизнь: «Столь долговременное служение Церкви ознаменовано непрерывным рядом всеми признанных заслуг нашего архипастыря, из коих самая высшая есть его жизнь, есть он сам. Люди оказывают заслуги не только тем, что они делают, но и тем, что они суть. В служении Церкви это имеет особенную силу»¹⁴.

И далее Катков сосредотачивается на выяснении «государственного значения» святителя Филарета: «Издревле у нас святители Церкви были с тем вместе, говоря древним словом, и печальниками земли. Наш славный архипастырь верен этому преданию. При высоком и ясном политическом разумении, живо и крепко всегда принимал он к сердцу интересы России. Его исполненное духовной силы и столь выразительное слово¹⁵ отзывалось на все великое, как скорбное, так и радостное, в жизни нашего Отечества...»¹⁶. При этом Филарет, считает Катков, один из тех «подвижников добра и правды», в деяниях которых явлены миру «достоинство и богатство исторической жизни народа <...> его сущность», то, «чем исполняет он свое призвание и в чем заключается сила и оправдание его веры в свое будущее»¹⁷. Более того — Филарет воплощает собою «богатство нашего народа, которое мы

та Филарета»: *Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1967 год. № 172. С. 427–429.*

¹⁴ Там же. С. 428.

¹⁵ П. И. Бартенев, опубликовавший эту катковскую передовицу в своем «Русском архиве» под названием «М. Н. Катков по поводу пятидесятилетнего юбилея Филарета (Из номера 172-го “Московских ведомостей” 1867 г.)» (1907. Т. III. Вып. 12. С. 547–549), к этим словам сделал подстрочное примечание мемуарного характера: «Однажды, еще будучи студентом, пришел я к М. Н. Каткову и застал его за чтением проповедей Филарета. “Учусь у него русской речи”, — сказал он мне» (с. 548). Впрочем, о языке гомилий святителя Катков восторженно писал и в своей первой передовице о юбилее: «Проповеди митрополита Филарета, отличающиеся тем высшим красноречием, которое может быть названо красноречием мощной и глубокой мысли, впечатлевающейся не только в каждом слове, но и в каждом оттенке, в каждом обороте речи, обратили на него всеобщее внимание...» (*Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1967 год. № 166. С. 411.*)

¹⁶ Там же. № 172. С. 428.

¹⁷ Там же.

инстинктивно чувствуем»¹⁸, — а именно подвижничество в стяжании Духа Святого. И тут Катков приближается к тем идеям, которые уже в XX в. будут развивать адепты «социального христианства», — о спасительной силе святости для человеческого общежития: «Неужели кто-нибудь может оставаться при мысли, что та великая борьба, которую люди призванные ведут во глубине своего собственного существа, что святой героизм их самоотвержения и духовная высота, которой они достигают, что все это остается бесплодно для окружающей жизни и не отзывается ничем в истории народов? Церковь чтит своих подвижников, и народ, из которого они исходят и которому они принадлежат, может также чтить в них своих героев, зиждителей своей силы»¹⁹.

Третья московская газета, отозвавшаяся на юбилей, — аксаковская «Москва». Передовая статья, посвященная этому событию, особенно примечательна тем, что еще, казалось бы, недавно И. Аксаков был настроен по отношению к святителю Филарету довольно непримиримо²⁰. Теперь же, на излете эпохи Великих реформ, много передумавший, переживший и внутренне возмужавший, Аксаков словно бы кается в умственных грехах и недомыслиях молодости. Известный своей бескомпромиссной честностью и необычайной прямоотой, он еще при жизни Филарета пишет статью, словно бы предсказывающую будущую канониза-

¹⁸ Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1967. № 172. С. 428.

¹⁹ Там же. С. 428—429.

²⁰ Нам представляется спорной позиция уважаемого ученого О. Л. Фетисенко, которая в этой связи пишет даже, что «Московский святитель в глазах Аксакова был “ответчиком” за все, что не устраивало славянофилов в Православии, называемом “официальным”, “историческим”, “казенным”» (Фетисенко О. Л. Реконструкция одного спора: К. Леонтьев и И. Аксаков о митрополите Филарете // Филаретовский альманах. М., 2008. Вып. 4. С. 192). С этим категоричным утверждением можно отчасти согласиться, если речь идет о юном Аксакове 1850-х гг., однако в 1860-х гг., и особенно позднее, Аксаков, безусловно, полностью изменил свое отношение к святителю, ярким свидетельством чего и является его передовая статья 1867 г. То же необходимо сказать и об оценке Филарета, приписываемой К. Н. Леонтьевым своему всегдашнему оппоненту православному богослову Н. П. Гилярову-Платонову (см.: Там же. С. 187). Потому и со всей концепцией, основанной главным образом на весьма пристрастных мемуарных записях Леонтьева, трудно согласиться.

цию святителя. В отличие от несколько скучноватых, педантических передовиц Каткова, она и вскоре за ней опубликованная поминальная статья Аксакова произвели в свое время неизгладимое впечатление на русское общество. Об этом еще через 15 лет напишет А. С. Суворин в своем «Новом времени» (уже в связи с другим юбилеем — 100-летним со дня рождения Филарета): «Живо припоминается нам впечатление, произведенное на русскую публику кончиною митрополита Филарета. Вот что писали тогда в газете “Москва”. <...>²¹ Эти красноречивые строки, в которых суммируется все лучшее, что было сказано по поводу кончины митрополита Филарета, *как вечерний звон*, возбуждают то чувство, которое было уместно и естественно при погребении знаменитого покойника». И тут же съязвил: «Но так же, как вечерний звон, такие и подобные строки много говорят чувству, но мало разуму»²².

Задетый за живое Аксаков был вынужден ответить, и он прямо заявил, что его взгляды за прошедшие 15 лет нисколько не изменились: «Величавый образ Филарета, более полувека осенявший Русскую церковь, а с нею и всю Россию, не только не умалился с течением времени, а как будто еще более вырос, *ничем и никем доселе не заслоненный*, — так что даже не вмещается вполне сознанием современников»²³. Поскольку заметка Суворина предвещала публикацию получившей скандальную известность статьи киевского историка Ф. А. Терновского «Митрополит Филарет. Его научное и общественное значение»²⁴, Аксаков высказал свое отношение и к ней: «Вообще со времени празднования пятидесятилетия святительского служения Филарета 5 августа 1867 г., не много еще ушла вперед оценка его иерархической деятельности <...>. Были, впрочем, попытки на так называемый “строгий суд потомства” в виде отдельных статей, из которых наиболее выда-

²¹ Тут приводятся выдержки из статьи Аксакова, опубликованной в № 184 «Москвы» от 21 ноября 1867 г. (см. о ней ниже).

²² <Суворин А. С.>. Столетний юбилей митрополита Филарета // Новое время. 1883. 9 янв. № 2466. С. 1.

²³ <Аксаков И. С.>. Москва, 17 января: По поводу столетнего юбилея митрополита Филарета // Русь. 1883. 17 янв. № 2. С. 8; перепеч. под назв. «По поводу столетия рождения митрополита Филарета»: Аксаков И. С. Полн. собр. соч.: <В 7 т.>. М., 1886 (обл.: 1887). Т. VII. С. 689–692.

²⁴ Новое время. 1883. 9 янв. № 2466. С. 1–2; 10 янв. № 2467. С. 1; 11 янв. № 2468. С. 1.

ются статьи о Филарете (г. Ф. Терновского) в “Новом времени”. Но по этим статьям, в которых собраны все тени, все непривлекательные черты его характера (мелочная придирчивость к современным даровитым иерархам — соперникам в красноречии и учености, суровость к подчиненным, страх, внушаемый им особенно белому духовенству, собственная его угодливость (?) пред светским начальством), Филарет выходит человеком, одаренным исключительно силою “формального мышления” и вообще до такой степени ничтожным и мелким, что становится совершенно необъяснимым то нравственное значение, которым он пользовался свыше полувека, не перестает пользоваться и теперь. <...> Хотя г. Терновский²⁵ и называет статью нашу о покойном митрополите в газете “Москва” 1867 г. как бы “церковным вечерним звоном”, вполне соответствовавшим обстоятельствам той минуты (теперь же, по его мнению, наступила пора иная, пора критики и т. д.), однако мы и теперь не признаем в ней лишним ни одного слова. Воспроизводим ее здесь, именно статью по поводу 50-летия святительского служения Филарета, с некоторыми незначительными опущениями²⁶.

Далее, процитировав в значительной части свою августовскую статью за 1867 г., Аксаков счел нужным снять с себя возможное подозрение в наведении агиографического глянца: «Как видит читатель, мы не позволяем себе здесь ни сопричислять митрополита Филарета к клику блаженных, как это дерзали чинить даже при жизни некоторые его поклонники; мы не называем его ни “любвеобильным пастырем”, ни “человеком сердца”, ни светилом науки, ни творческим гением, ни инициатором, ни преобразователем; не прославляем никаких его *великих дел*; напротив, прямо допускаем, что плод мог быть и не обилен, церковная нива заглушена, по-прежнему, тернием. Но мы вместе с тем указываем, что истории придется засвидетельствовать и объяснить обаятельную мощь имени Филарета для современников, и не только для современников, прибавим мы теперь, но и для позднейшего времени — продолжающуюся и поднесь: факт этот не может отрицаться и критиками вроде г. Терновского, но остается совершен-

²⁵ Тут Аксаков нечаянно приписывает Терновскому авторство редакционной заметки.

²⁶ Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 690.

но неоправданным и необъяснимым с их точки зрения». И тут же словно бы вторит Каткову: «Не заключалась ли эта мощь обаяния именно в дивном примере неустанно блящего духа, ни разу себе не изменившего, — в этом, в течение более полувека всегда отверстом, “недреманном“, как мы позволили себе выразиться, взоре мысли, — наконец, в этой безукоризненно-строгой, чуждой всякого послабления, высокой жизни?»²⁷

Сличение же процитированного Аксаковым текста и искомого, опубликованного в газете «Москва» в 1867 г., свидетельствует как раз о том, что сделанные им «некоторые незначительные опущения» фактически и содержали этот восторженно-эмоциональный призыв к «сопричислению к лику блаженных», от которого Аксаков спустя 15 лет отнекивался. Поскольку текст этой передовой статьи не был включен в посмертное «Полное собрание сочинений» писателя, имеет смысл воспроизвести его полностью (при этом для наглядности фрагменты, исключенные Аксаковым в 1883 г., заключим в квадратные скобки):

[Нынешний день едва ли не вся Москва снялась и подвиглась к Троице-Сергиевой Лавре, на поклон своему архипастырю. Нынешний день — пятидесятилетняя годовщина возведения в архиерейский сан высокопреосвященного митрополита Московского Филарета.

Всякого непрерывного, на пользу общую, делания пятидесятилетний срок, как необычный, принято и обществом, и государством отличать особым чествованием и наградами, во славу делателя; тем более необычен этот срок на поприще иерархическом, ибо в истории Русской церкви не было еще ни единого примера такой продолжительной архипастырской деятельности...

Мы знаем, конечно, что там, в превыспренней высоте духовного созерцания, для взора, вперенного вечность, исчезает такое обычное деление дней и лет, и не в мере времени полагается цена времени, — но тем не менее земному человеческому естеству все же свойственно прилепляться к этим урочным граням, без которых не мог бы человек и опознаться в пространстве бытия и на которых, как путнику на придорожных пристанищах, удобно ему, задерживая мыслью течение жизни, перевести дух, оглянуться

²⁷ Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 692.

назад на пройденное поприще, пытливо допросить пережитое и совершенное.]

Но о каком же пройденном и еще проходимом поприще идет теперь речь? Какого подвига нагромоздилось полвека? Не о поприще ли святительского служения в полномочии преподанных Церковью даров Святого Духа? Не подвиг ли то молитв, борьбы, духовного совершенствования? Для такого подвига нет человеческого мерила. [Такого поприща вполне доброе прохождение граничит уже со святостью.] Служение Господу не есть служение царям; оно не приемлет здесь мзды; ему судьей только Бог да личная совесть, и между Богом и совестью нет места посторонним ценовщикам. Здесь всякая лесть — кощунство; здесь даже похвала нечестива. Прейдем же, с благоговейным молчанием, мимо этой области духа [и со смирением почтим чужое смирение]...

Но есть и другая сторона архипастырского служения — [не одна святая, но и в простом смысле слова полезная; не подвиг только молитвы, не внутренняя только, личная деятельность духа, где безразлично и место и время, — но и] деятельность внешнего правления, вытесненная в условия места и времени. Митрополит Филарет, по своему положению, не только духовный вождь своей паствы... [но и строитель наружного здания Церкви в ее земном, историческом смысле]. Его попечению поручено не одно отношение душ во вверенной ему Церкви к Богу, но и отношение Церкви к государству, к гражданскому бытию общества верующих. Такая деятельность может и должна подлежать строгому историческому суду, но время для него еще не наступило. Всякая поверхностная оценка такой деятельности была бы теперь неприлична и неуместна, а иная была бы не по силам ни нам, ни вообще современникам. Только история, раскрыв человеческое делание во всем его целом объеме, может беспристрастно поведать, сколько было в этом полувеке многотрудного архипастырского правления борьбы, побед или поражений, что совершено, что не достигло совершенства, обилен или не обилен был плод, какие тернии и по чьей вине глушили церковную ниву... Та же история должна будет засвидетельствовать и оправдать обаятельную силу имени митрополита Филарета для его современников.

Пред этой-то бесспорною, вне всякого сомнения и воочию всего русского мира сущею силой, пред этою-то современною

нам, живую действительностью мы и преклоняемся с уважением, вместе с целою Россией [— не предвосхищая дерзостно ни суда Божьего, ни суда потомства]. Полвека светит светильник высокого ума, знания и всем явной жизни на всю Россию, не оскудевая, не померкая, но как бы питаясь приумножением лет и выступая ярче по мере надвижения вечернего сумрака жизни. Полвека, на виду у всех, стоит на страже Церкви огромная духовная сила, охраняющая, *из себя самой почерпаемая властью*,²⁸ неизменность обычая и целостность церковных преданий. Полвека назидаются русские люди дивным примером неустанно бодрствующего духа, — встречает взор их недреманное око мысли. Полвека, и более полувека, раздается художественное важное²⁹ слово, то глубоко проникающее в тайны Богопознания, то строгою и мощною красотой одевающее разум Божественных истин...

В лице Филарета кафедра Московской митрополии обрела вновь свое древнее *всероссийское* значение — не действием внешних условий, ибо она есть и остается епархиальною, но внутренним действием его личного авторитета. Такое всероссийское значение признается за ним всею Россией, — и не только Россией, но и всем православным миром, — и не только православным миром, но даже и иноверцами, которых все мы видели несущими ему дань нелицемерного уважения.

[Таково чувствуемое в нынешний день историческое явление нравственной мощи духа, которым красуется Церковь, о котором радуется благодарно весь русский народ и вознеслись торжественные моления в храмах, да к накоплению лет приложатся и еще многая и многая лета...]³⁰

Отметим, что хотя в начале Аксаков и отталкивается от содержания катковской передовицы («...в истории Русской церкви не было еще ни единого примера такой продолжительной архипастырской деятельности...»), однако акцент делает все же на ином — не на *государственном* значении филаретовского делания, а на *религиозном* («Такого поприща вполне доброе прохождение граничит уже со святостью»; «...строитель наружного здания Церкви в ее земном, историческом смысле»). В 1880-х гг. этот накал чувств,

²⁸ В первой публикации курсива не было.

²⁹ При перепечатке вместо этого слова употреблено: *веское*.

³⁰ <Аксаков И. С.> Москва, 5-го августа // Москва. 1867. 5 авг. № 100. С. 2.

видимо, показался ему излишне экстагическим, и он кардинально отредактировал статью о юбилее 1867 г.

Последовавшая вскоре за юбилеем кончина святителя Филарета без всякого преувеличения стала событием ошеломляющей силы воздействия на русское общество. Н. П. Гиляров-Платонов — издатель-редактор как раз в это время основанной газеты «Современные известия» (первой ежедневной в истории московской периодики), имя которого с конца 1870-х вошло в привычку сопричислять к именам Аксакова и Каткова, образуя тем самым некий метафорический «триумvirат консерваторов», — писал 21 ноября 1867 г. своему другу К. П. Победоносцеву: «А каково событие? Монумент свалился; как-то жутко чувствует себя Москва. Образовалась пустота, в которой неловко. Москва без Филарета — это как-то неловко, непривычно. Любопытно, как пойдут теперь церковные дела, когда рассуждениям и различным мерам уже не предшествует обычный вопрос: а как на это смотрит Филарет?»³¹ В событии ухода из жизни Московского первостоятеля современникам виделось подчас нечто эсхатологическое, точно «взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес 2. 7), после чего не приходилось надеяться на лучшее; люди простодушно интересовались: «А кто теперь будет у нас *Филаретом*?».

Уже тот факт, что ходили оживленные толки о «тлетворном духе», исходившем от тела покойного, и была даже сочинена эпиграмма об этом³², говорит, безусловно, о том, что в народном сознании святость Филарета подразумевалась сама собой³³. Бытовали тревожные слухи и о покушении на святыню — профессор П. С. Казанский 23 ноября 1867 г. сообщал в Кострому своему брату: на лице Филарета обнаружили шрам, пошла молва, что святителя убили; вспомнили, что какой-то юродивый бродяга

³¹ ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 458. Л. 1–1 об.

³² См. ее текст (со знаковым стихом «Теперь по старшинству произведен в святые») в уже упоминавшемся дневнике В. Ф. Одоевского под 28 ноября 1867 г.: Текущая хроника и особые происшествия. С. 237.

³³ Позднее, как известно, Достоевский, вспоминая это событие, писал сцену прощания с одним из любимейших своих героев — умершим отцом Зосимой в «Братьях Карамазовых» — в черновиках романа есть запись: «NB. По поводу провонявшего Филарета» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1976. Т. XV. С. 199).

забежал накануне на подворье³⁴. Поражали и совпадения — тот же профессор Казанский отмечал в письме к брату от 19 ноября: «Святитель скончался в один день с императором Александром I, которому обязан своим поставлением на высокое место»³⁵.

Поэтому и неудивительно, что столь проникновенными были посвященные печальному событию передовицы, опубликованные в газетах московского «триумвирата».

Катков откликнулся двумя поминальными статьями. Первую из них он насыщает мемуарным элементом, вспоминая, в частности, как выглядел Филарет на недавнем своем юбилее («Мы живо помним святителя в этот день. Он предстал собравшемуся сонму будто жилец другого мира. Изможденное тело его было как бы обликом духовного видения. <...> Его великий ум, обширная память, быстрота и глубина соображения не только не ослабевали с годами, но как бы восходили из силы в силу»³⁶) и во время личного общения с ним («Имевшие доступ к нему не забудут впечатлений его речи, всегда мудрой, умевшей восходить и нисходить до всякого разумения, и с годами преклонной старости не старевшей, но приобретающей как бы большую мягкость и согревавшейся духовною теплотой»³⁷). И по-прежнему Катков настаивает на общехристианском значении его личности: «Весть о кончине митрополита Филарета отзовется не только во всех концах России, но и во всех частях вселенской Восточной Церкви. Россия лишилась в нем одного из преданнейших сынов своих, Русская Церковь — знаменитейшего из своих иерархов, Церковь вселенская — одного из твердых столпов своих»³⁸. Интересна парадоксальная, на первый взгляд, мысль, высказанная Катковым: с одной стороны, святитель Филарет «был крепкий хранитель, — хранитель по преимуществу, остерегавшийся касаться даже того, что застеняет»³⁹

³⁴ См.: *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский... Вып. II. С. 164.

³⁵ Там же. С. 159.

³⁶ <Катков М. Н.>. Москва, 20-го ноября // Московские ведомости. 1867. 20 нояб. № 255. С. 1; перепеч. под назв. «Кончина митрополита Филарета»: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1967 год. № 255. С. 665.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 666.

³⁹ *Застеняет* — заслоняет, скрывает (*црксл.*).

красоту и славу хранимого», с другой — «вполне принадлежа» своей эпохе, «он духом своим возвышался над временами, и разум его не был пленен ни в какую тесноту», «на высотах своего разума он усматривал относительное значение всех явлений в христианском мире как в пределах, так и за пределами Православной Церкви»⁴⁰.

Спустя девять дней Катков снова публикует передовицу памяти усопшего святителя, в которой развивает образ метафизической какой-то пустоты, всеобъемлющего сиротства, живо чувствовавшихся многими в то время⁴¹: «И не в одной Лавре долго будет ощущаться пустота, оставленная этим погребением»⁴². Пожалуй, первый именно Катков заговорил о насущности обнародования и усвоения литературного наследия Филарета во всем его объеме: «Отныне он становится неистощимым предметом изучения, которое не преминет внести новые силы в наше сознание, в наше просвещение. Прошедшая жизнь великого ума, следившего за всем, на все отзывавшегося и во всем принимавшего участие, снова вступит в действие для созерцающей мысли и разума»⁴³. Завершается статья публикацией тогда еще малоизвестного поэтического диалога Пушкина и Филарета 1828–1830 гг., позволившего Каткову сказать: «В каких чудных, неувядающих чертах запечатлелся здесь облик ныне оплакиваемого иерарха!»⁴⁴

Для Аксакова в его поминальной передовице — именно той, которую частично через 15 лет воспроизвел в «Новом времени» Суворин, — святитель Филарет прежде всего воплощение и средоточие идеального национально-русского начала (при этом Аксаков вполне демонстрирует свое недюжинное поэтическое дарование): «Упразднилась сила, великая нравственная общественная

⁴⁰ Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». № 255. С. 666.

⁴¹ Ср. опубликованную ранее поминальную статью Аксакова (см. о ней ниже) и процитированное выше письмо Гилярова-Платонова к Победоносцеву.

⁴² <Катков М. Н.>. Москва, 29-го ноября // Московские ведомости. 1867. 30 нояб. № 262. С. 1; перепеч. под назв. «По поводу погребения митрополита Филарета»: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1967 год. № 262. С. 683.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 684.

сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу <...>. Без этой силы, без этой славы какая пустота силы и славы почувствуется внезапно в Москве, да и во всем русском церковном мире! Кафедра Московского митрополита может, конечно, быть и будет занята; но место, которое занимал Филарет, пребудет пусто»⁴⁵. И столь же афористично и ярко выражает свою мысль о величии личности святителя, о ее эпохальной значимости: «В течение целого полувека Русской Церкви, ее представитель, предстатель и предстоятель (не вследствие внешних условий своего места и звания, а действием личного внутреннего достоинства), в течение же полувека был он и “свидетельствуй” о ней пред всей Европой, пред всем миром инославным... Сходит в могилу целая историческая эпоха, — на смену ей движется эпоха новая...»⁴⁶

Неудивительно, что профессор П. С. Казанский 23 ноября 1867 г. писал брату-архиерею: «Из передовых статей напечатанная в газете “Москва” Аксаковым отличается большею силою и впечатлением»⁴⁷. Впрочем, в других «широкоформатных» столичных газетах вовсе обошлись без передовых статей, посвященных кончине Филарета, в лучшем случае ограничиваясь более или менее тщательной перепечаткой материалов «Московских ведомостей» (иногда и церковной периодики)⁴⁸. Выделяется, пожалуй, на этом фоне лишь «Голос» А. А. Краевского, где была помещена оригинальная корреспонденция (впрочем, в ряде мест текстуально близкая к передовицам Каткова) с упором, как и у Аксакова, на национальное значение почившего святителя: «Он был русский в душе, русский по помыслам, русский по делам»⁴⁹.

⁴⁵ Москва, 21-го ноября // Москва. 1867. 21 нояб. № 184. С. 1; перепеч. под назв.: 1) «По случаю кончины митрополита Филарета»: *Аксаков И. С.* Полн. собр. соч. М., 1887 (обл.: 1886). Т. V. С. 609–610; 2) «И. С. Аксаков о кончине митрополита Филарета (Из газеты “Москва” 1867 г.)»: Русский архив. 1907. Т. III. Вып. 12. С. 549–550.

⁴⁶ *Аксаков И. С.* Полн. собр. соч. Т. V. С. 610.

⁴⁷ *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский... Вып. II. С. 161.

⁴⁸ См., например: Русские ведомости. 1867. 21 нояб. № 136; 23 нояб. № 137; 25 нояб. № 138; 28 нояб. № 139 (всюду: С. 1–2); С.-Петербургские ведомости. 1867. 23 нояб. № 324. С. 2.

⁴⁹ <Без подписи>. Кончина Филарета, митрополита Московского (корреспонденция «Голоса») // Голос. 1867. 22 нояб. № 323. С. 2.

Последним из «триумвирата» москвичей откликнулся на кончину Филарета Гиляров-Платонов⁵⁰ — и по вполне понятной причине: его газета «Современные известия» начала выходить только в декабре 1867 г. (потому, кстати, он не писал и о юбилее) — этой передовой статьей и начинается самый первый номер издания, поскольку имела тому и формальная причина: 1 декабря — день тезоименитства Филарета. Гиляров-Платонов, с одной стороны, развивает некоторые суждения и образы своих собратьев по перу, с другой — подчас их переосмысливает и оспаривает. Причем в полной мере демонстрирует здесь высоко ценимый современниками свой талант философа-публициста, слово которого всегда согрето сердечной мыслью⁵¹.

Начинается статья с того же эмоционально емкого образа *пустоты*, оставленной после себя великим человеком, что встречался у Аксакова: «Смерть замечательных деятелей оставляет после себя пустоту...», которую, убежден Гиляров-Платонов, поначалу принципиально невозможно заполнить сколько-нибудь взвешенной оценкой современников: «Мы не можем отрешиться от того, в чем сами живем, и потому не можем произнести ясного суждения»⁵². Однако, перечисляя далее имена таких выдающихся церковно-государственных деятелей, как свт. Димитрий Ростовский, архиеп. Феофан (Прокопович), митр. Платон (Лёвшин), даже более близких по времени — митр. Евгения (Болховитинова) или свт. Иннокентия (Борисова) и др., Гиляров-Платонов пишет

⁵⁰ О его непростых взаимоотношениях со святителем см. нашу статью «История одного увольнения (Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году)»: Филаретовский альманах. М., 2008. Вып. 4. С. 158–183.

⁵¹ Приведем оценку Аксаковым присланной ему Гиляровым-Платоновым для публикации в «Руси» статьи «Откуда нигилизм?» (в письме от 26 ноября 1884 г.): «Ваша статейка — это [брю<сельские>] алансонские тончайшие кружева, и как Вы хотите, чтоб я этой многоценной тончайшей кружевной работе мысли, к которой не знаю человека способнее Вас (и которая совершенно непригодна для тем практических), не дал места?» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой. М., 2004. Т. III. С. 444; уточнено по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 30).

⁵² <Гиляров-Платонов Н. П.>. Внутренние известия // Современные известия. 1867. 1 дек. № 1. С. 2; перепеч. под назв. «Филарет, Митрополит Московский»: Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений: <В 2 т.>. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1899 (обл.: 1900). Т. II. С. 435–439.

о них, противопоставляя им Филарета: «Не затруднимся оценкою <...> для всех, не долго блуждая, отыщем место, которое должны они занять в истории»⁵³. И тут он противопоставляет аксаковскому афоризму о Филарете как представителе своего времени, возвышавшемся над ним, — свой: «Он не был представителем эпохи; он сам и был эта эпоха; он не выражал свое время, а руководил время»⁵⁴. Гиляров-Платонов усиливает и другое встречавшееся у Аксакова суждение, — что святитель Филарет находился во главе церковного управления «не саном своим или местом служения, а исключительно влиянием своей нравственной силы...»⁵⁵.

Столь же мастерски публицист-философ отталкивается от высказывания Каткова о всегдашней насущной потребности филаретовских творений для всего русского общества, а не для одного духовного сословия⁵⁶. Он парадоксально заостряет свою мысль: «Нужды нет, кто из нас выработался своим воспитанием: ханжа, нигилист или здравомыслящий христианин. Все мы приняли первоначальное учение веры по книгам Филарета; все имели учителей, еще полнее воспитавшихся под влиянием воззрений того же высшего учителя. Так или иначе, прямо или косвенно, усвоением или противодействием, сознательно или бессознательно, но все мы отнеслись к направлению, данному Филаретом, стоим с ним в связи и от него зависим»⁵⁷. Еще один виток мысли — и новый, на первый взгляд, парадокс: Гиляров-Платонов восстает против неумеренной хвалы в адрес почившего, справедливо полагая, что «восхваление личных достоинств, если они дарованы от природы, всегда основано на недоразумении и заключает в себе некоторую безнравственность: недозволительно хвалить никого из людей за то, в чем можно видеть только славу Божию; хвалить человека можно только за то, что принадлежит самому человеку, что есть плод свободного употребления дарованных сил»⁵⁸. Но и в этом проявилась уникальность Филарета, о котором нельзя сказать

⁵³ *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 436.

⁵⁴ Там же. Это выражение статьи Гилярова-Платонова, как и ряд других, сразу же стало крылатым.

⁵⁵ Там же. С. 436—437.

⁵⁶ См.: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1867. № 166. С. 411.

⁵⁷ *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 437.

⁵⁸ Там же.

традиционное: «Добрый семьянин, сострадательный человек, приятный собеседник, верный друг...», ибо «напрасно стали бы мы искать у него того разделения жизни на официальную и конфиденциальную, которая столько нам всем свойственна»⁵⁹. Гиляров-Платонов подытоживает: «Он был епископ с утра до вечера и от вечера до утра»⁶⁰.

Завершается статья по законам кольцевой композиции, ее автор снова возвращается к вопросу о возможности оценить такое «необыкновенное историческое явление», каковым являлся Филарет: «Не оценке теперь время или попыткам восстановить его целый образ, а воспоминаниям частных, а приведением в известность, по возможности, всего, что им сделано, написано, сказано»⁶¹. Иными словами, тут между прочим — вслед за Катковым — ставится задача издания Полного собрания творений святителя (не решенная и по сей день). Концовку, возможно тоже по примеру Каткова, Гиляров-Платонов делает поэтической, приводя текст знаменитого (к тому времени, правда, напечатанному лишь единожды⁶²) переложения Филаретом с греческого оригинала «Увещательной песни» св. Григория Богослова и отмечая в нем три необходимые составляющие, возводящие поэтическое моление на высоту настоящего искусства: «художественную красоту», «верность подлиннику» и «силу молитвенного возношения»⁶³.

Столь, казалось бы, высокие и вовсе не свойственные светской печати, особенно же в 1860-е гг., оценки церковного деятеля тремя московскими консерваторами (причем далеко не единомышленниками по весьма многим общественно-религиозным и политическим вопросам), пронизательно определившими должное место в национальном сознании своему великому старшему современнику, — вполне оправдались впоследствии, и особенно

⁵⁹ *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 437, 438.

⁶⁰ Там же. С. 438. П. С. Казанский и другие современники восхищались этим определением. Он писал брату 7 декабря 1867 г., цитируя по памяти: «У Гилярова в первой статье его газеты есть одна очень удачная фраза: “Он был епископ с утра до вечера и с вечера до утра”» (*Беляев А. А., прот.* Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский... Вып. II. С. 179).

⁶¹ *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 438.

⁶² Душеполезное чтение. 1867. Ч. III, сент. С. 34–35.

⁶³ *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 439.

зримо в первый посмертный юбилей святителя Филарета, приуроченный к столетию со дня его рождения, — в январе 1883 г.⁶⁴ Тем более что, как свидетельствовал Аксаков в своей выше цитированной передовице, инициатива его устройства исходила от представителей духовного сословия, казалось бы, наиболее «настрадавшегося» от бывшего владыки (тут Аксаков имел в виду упоминавшуюся «обличительную» статью Терновского). Он задавался вопросом: «Да и как понять, почему то самое духовенство, которое, судя по упомянутым статьям, должно бы питать к его памяти чуть ли не злобу, вспоминает о нем чуть не с благоговением и по *собственному* почину (а вовсе не почину начальства) затеяло празднование столетнего юбилея?»⁶⁵

Редакторы трех крупнейших к тому времени русских консервативных газет — Катков, Аксаков и Гиляров-Платонов, чьи имена тогда нередко произносились вместе, не могли не откликнуться на это событие. Оставляем за рамками настоящей работы подробный разбор их печатных выступлений, кратко упомянем лишь самое основное.

Катков напечатал сразу три передовицы, посвященные юбилею: в двух из них он продолжил свой экскурс в филаретовское «учение о государственной мудрости», сделав довольно обширную выборку из творений святителя и настаивая на все возрастающей актуальности этих его суждений для решения узловых проблем русской жизни⁶⁶, и инициировал тем самым сходную по задаче работу В. В. Назаревского «Государственное учение Филарета, митрополита Московского» (М., 1883; 3-е изд., вновь доп.: 1888). Третья, предельно резкая, передовая статья написана по поводу статьи Терновского, который, по выражению Каткова, «приберет к юбилейному дню Филарета запас камердинерских анекдотов». Публицист восклицает: «Зато какое должно быть одичание чув-

⁶⁴ Поначалу было принято решение устроить торжество 26 декабря 1882 г., но позднее его перенесли на 9 января 1883 г.

⁶⁵ Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 690.

⁶⁶ <Катков М. Н.>. 1) Москва, 24 декабря // Московские ведомости. 1882. 5 дек. № 357. С. 2–3; перепеч. под назв. «Столетний юбилей митрополита Филарета»: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1882 год. М., 1898. № 357. С. 672–678; 2) Москва, 8 января // Московские ведомости. 1883. 9 янв. № 9. С. 3 (не перепечатывалась).

тва, чтобы на тожество в память всеми уважаемого деятеля явиться с нечистотами»⁶⁷.

О юбилейной статье Аксакова в «Руси» 1883 г. говорилось выше. Отметим только, что, помимо полемики с Терновским и перепечатки извлечений из своей передовицы о юбилее 1867 г., в этой аксаковской статье с еще большим убеждением звучит мысль о том, что место святителя «пребудет пусто», а время его оценке не пришло: «Величавый образ Филарета, более полувека осенявший Русскую Церковь, а с нею и всю Россию, не только не умалился с течением времени, а как будто еще более вырос, *ничем и никем доселе не заслоненный*, — так что даже не вмещается вполне сознанием современников. Действительно, для него еще не наступила пора полной исторической оценки; нужно еще более подвинуться в даль времен для верности перспективы; нужно всестороннее раскрытие не одной его личной, но и государственной, и общественной жизни России того долгого ряда лет, в течение которых неустанно бодрствовал <...> дух знаменитого иерарха»⁶⁸.

И, наконец, Гиляров-Платонов, ранее всех откликнувшийся на предстоящий юбилей, опубликовал три аналитические статьи о Филарете, насыщенные интересными мемуарными свидетельствами. И если в первой из них⁶⁹ он только развивает основные положения своей поминальной статьи 1867 г. (например: «Если уже архиерей, то отнимается от него право быть частным человеком...»⁷⁰; «...каждая строка Филарета должна быть издана»⁷¹), то две другие статьи⁷² посвящены воссозданию некоторых черт

⁶⁷ <Катков М. Н.>. 1) Москва, 12 января // Московские ведомости. 1883. 13 янв. № 13. С. 2; перепеч. под некорректным назв. «Годовщина кончины митрополита Филарета»: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1883 год. М., 1898. № 13. С. 20.

⁶⁸ Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 689.

⁶⁹ <Гиляров-Платонов Н. П.>. Москва, 6 декабря // Современные известия. 1882. 7 дек. № 338. С. 1–2; перепеч. под назв. «Столетие со дня рождения митрополита Филарета»: Гиляров-Платонов Н. П. Вопросы веры и Церкви: Сб. ст. 1868—1887 гг.: <В 2 т.>. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1906. Т. II. С. 325–329.

⁷⁰ Там же. С. 327.

⁷¹ Там же. С. 328.

⁷² <Гиляров-Платонов Н. П.>. 1) Москва, 24 декабря // Современные известия. 1882. 25 дек. № 356. С. 2–3; 2) Москва, 9 января // Там же. 1883.

личности святителя, в том числе и вызывавших неприятие автора..⁷³

И Аксаков, и Гиляров-Платонов в своих статьях, приуроченных к столетнему юбилею, писали о насущной нужде в тщательном изучении биографии Филарета, не исключая и таких ее сюжетов, как, например, «борьба его, Московского митрополита, ныне чествуемого и празднуемого, с гусарским полковником, обер-прокурором Синода» (отсюда чисто славянофильское умозаключение: «Филарет и граф Протасов! Одно это сопоставление характеризует вполне петербургский период нашей истории и дает ключ к разрешению многих недоумений...»⁷⁴). При этом Гиляров-Платонов настаивал на необходимости биографии науч-

10 янв. № 9. С. 2; обе перепеч. под тем же назв. «Столетие со дня рождения митрополита Филарета»: *Гиляров-Платонов Н. П.* Вопросы веры и Церкви. Т. II. С. 332–337.

⁷³ Та статья, что увидела свет в конце декабря, на наш взгляд, как раз и дала толчок Терновскому для написания его обширного очерка для «Нового времени». Совпадения разительны. Гиляров-Платонов: «...Филарет был совершенно лишен того, что называют “инициативой”. <...> Он веровал во власть, признавал обязательным ей покоряться, не только за страх, но и за совесть...» (Там же. С. 333). Терновский: «Митрополит Филарет правительственной инициативы вовсе не имел и потому не только не тяготился указаниями высшей власти, но всегда робко и послушно искал, на что бы опереться в своих распоряжениях» (Новое время. 1883. 10 янв. № 2467. С. 1). Порой Терновский спорит с Гиляровым-Платоновым, не называя своего оппонента. К примеру, пишет: «...при раздаче мест владыко <так!> Московский был довольно свободен от нередкого у архиереев *непотизма*, т. е. пристрастия к племянникам и другим родственникам» (Там же), тогда как Гиляров-Платонов свидетельствовал: «Его обвиняли, что он усиленно выводил своих родственников, раздавая им места по епархии» (*Гиляров-Платонов Н. П.* Вопросы веры и Церкви. Т. II. С. 334). Однако в целом, безусловно, пером последнего двигало стремление разобраться и понять реальную противоречивость великого человека, его статьи все же исполнены любви и подчас горечи сожаления, например, в связи с излишней осторожностью Филарета: «...при необыкновенных дарованиях и властном положении, до которого никто из иерархов новейшего времени не достигал, он не сделал многого для внешнего положения Церкви, чего именно от него позволительно было бы ожидать» (Там же. С. 335). В то же время в очерке Терновского слишком чувствуется ожесточение автора, и потому его произведение не лишено пафоса рассчитанной на скандал разоблачительности, переходящей в некоторое даже злорадство.

⁷⁴ *Аксаков И. С.* Полн. собр. соч. Т. VII. С. 689–690.

ной, а «не только риторического упражнения»⁷⁵, созданного в панегирическом жанре.

Понятно, что в тот период — после царевубийства (1881 г.) — подобные призывы не всем представителям власти казались благовременными. Так, 8 декабря 1882 г. синодальный обер-прокурор К. П. Победоносцев писал профессору Московской духовной академии Н. И. Субботину (реагируя на самую первую, вполне еще «невинную» статью Гилярова-Платонова): «В Москве газеты пошли болтать о юбилее митр[ополита] Филарета. Оставили бы имя это в мире. Вот, вчера и Никита Гиляров подал с пылу статью свою. По мнению моему, не время пускать имя Филарета в полемику»⁷⁶.

Тем не менее подходы к изучению жизни и трудов Филарета, заложенные в прочувствованной публицистике московского «триумвирата» консерваторов, к счастью, оказались востребованными отечественной филаретикой, особенно же начиная с XX столетия⁷⁷; их учет может быть полезен и в наши дни.

⁷⁵ Гиляров-Платонов Н. П. Вопросы веры и Церкви. Т. II. С. 334.

⁷⁶ Марков В. С., <прот.>. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). М., 1914. С. 298.

⁷⁷ См., например, большинство материалов сборника «Филарет, митрополит Московский: 1867 — 19 нояб. 1917: К годовщине пятидесятилетия со дня блаженной кончины Филарета, митрополита Московского» (Сергиев Посад, 1918).